Рецензия на книгу /
Book Review

https://elibrary.ru/NOLAVD
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

«Я ВЫБРАЛ ДЛЯ ПРОБЫ ГЛАВУ О ПРОТОПОПОВЕ…» (ИЗ ИСТОРИИ ОЧЕРКА А. БЛОКА «ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ»)

© 2024 г. А.С. Александров
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
Дата поступления статьи: 13 декабря 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 07 марта 2024 г.
Дата публикации: 25 сентября 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-432-451

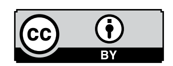
Аннотация: Настоящая работа посвящена судьбе главы о А.Д. Протопопове, выбранной А. Блоком в качестве работы, в рамках его служебной деятельности в Чрезвычайной следственной комиссии, для отчета Учредительному собранию. На широком источниковедческом материале (записные книжки, дневник, письма к матери) прослеживается отношение Блока к последнему министру внутренних дел, актуализировано внимание на особой сосредоточенности поэта на личности опального чиновника. В работе анализируются документы из архива Блока, связанные с работой его над главой, прослеживается параллельная работа Блока над главами «Последние дни царского режима» и «Протопопов». В статье представлены в том числе неизвестные архивные материалы из Рукописного отдела Пушкинского Дома.

Ключевые слова: А.А. Блок, А.Д. Протопопов, Чрезвычайная следственная комиссия, революция, очерк, служебная деятельность.

Информация об авторе: Александр Сергеевич Александров — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8611-6490

E-mail: aspiros.83@mail.ru

Для цитирования: *Александров А.С.* «Я выбрал для пробы главу о Протопопове…»: (из истории очерка А. Блока «Последние дни императорской власти») // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 3. С. 432–451. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-432-451

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 3, 2024

"I CHOOSE THE CHAPTER ABOUT PROTOPOPOV FOR TESTING..." (FROM THE HISTORY OF A. BLOK'S ESSAY "THE LAST DAYS OF IMPERIAL POWER")

© 2024. Alexandr S. Alexandrov
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia
Received: December 13, 2023
Approved after reviewing: March 07, 2024
Date of publication: September 25, 2024

Abstract: This work is devoted to the fate of the chapter on A.D. Protopopov, chosen by A. Blok as a work, as part of his official activities in the Extraordinary Commission of Inquiry, for reporting to the Constituent Assembly. A wide range of source material (notebooks, diary, letters to his mother) demonstrates Blok's attitude towards the last Minister of Internal Affairs. The research concerns the poet's particular focus on the personality of the disgraced official. The article analyzes documents from Blok's archive related to his work on the chapter and traces Blok's parallel work on the chapters "The Last Days of the Tsarist Regime" and "Protopopov." The article presents, among other things, unknown archival materials from the Manuscript Department of the Pushkin House.

Keywords: A.A. Blok, Extraordinary Commission of Inquiry, February Revolution, essay, official activity.

Information about the author: Alexandr S. Alexandrov, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8611-6490

E-mail: aspiros.83@mail.ru

For citation: Alexandrov, A.S. "'I Choose the Chapter About Protopopov for Testing...' (From the History of A. Blok's Essay 'The Last Days of Imperial Power')." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 3, 2024, pp. 432–451. (In Russ.)
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-432-451

«Я выбрал для пробы главу о Протопопове...» (из истории очерка А. Блока «Последние дни императорской власти»)

Александр Дмитриевич Протопопов (1866–1918) — последний министр внутренних дел Российской империи — с момента поступления Александра Блока на службу в Чрезвычайную следственную комиссию (далее — *ЧСК*) попал в фокус особого внимания поэта, о чем свидетельствуют и его записные книжки, и дневник. Впоследствии этот интерес к личности министра совпал со служебным заданием — подготовкой главы о Протопопове для отчета Учредительному собранию. О судьбе этой работы и пойдет речь в настоящей статье.

Впервые с Протопоповым Блок встретился практически сразу после поступления на службу в *ЧСК* (см. подробнее: [2, 3, 5]). 19 мая после пятичасового допроса в Петропавловской крепости бывшего Директора департамента полиции С.П. Белецкого Блок, вместе с председателем *ЧСК* Н.К. Муравьевым, принял участие в обходе камер Трубецкого бастиона, во время которого увиделся с заключенным. О своих переживаниях после первых дней службы Блок сообщал в письме к матери от 22 мая 1917 г.: «У меня очень много неизгладимых впечатлений (за все эти дни. Особенное — от Протопопова в камере)» [17, с. 367]. Эта встреча вызвала сильные эмоции, она была дважды зафиксирована в записных книжках Блока. Первая запись в $ЗК_{50}$ от 19 мая представляет собой развернутый портрет Протопопова:

Мы пошли по камерам: 1) к Протопопову; поднятые плечи, худоба, седая подстриж<енная> бородка, брючки короткие и туфельки. Плохо // орьентируется! Странно! Муравьев говорит, что этот разорившийся давно суконщик очаровательностью и мягкостью прошел всюду — и в Думу, и, о, чудо! удержался // после убийства Распутина. М<уравье>в довольно долго просил его «приподняться», забыть для истины даже то, что над ним тяготеет обвинение, и написать картину его // отношений и пр<очее>. Пр<отопоп>ов смотрел на него снизу вверх, я бы сказал, немного по-детски (в глазах есть что-то хорошее), и просил дать вопросы, потом // сказал: «Это будет сделано». Когда мы уходили, он подошел к нам очень близко и еще о чем-то просил (о мелочи что ли какой-то) (*ЗК*$_{50}$. Л. 51 об. – 53 об.)[1].

Запись в ЗК$_{49}$ об этой же встрече носит иной характер, приведем ее:

Никого нельзя судить. Человек в горе и в унижении становится ребенком. <...> Вспомни, как по-детски посмотрел Протопопов на Муравьева — снизу вверх, *как виноватый мальчишка,* когда ему сказали: «Вы, Александр Дмитр<иевич> попали в очень сложное историческое движение». Он кивнул: «Совершенно верно». И посмотрел снизу вверх: // никогда не забуду (*ЗК*$_{49}$. Л. 24–24 об.).

По-видимому, эта запись является рефлексией Блока не только на увиденное им в казематах Петропавловской крепости, но и откликом на слова А.Ф. Кублицкого-Пиоттух, высказавшегося ранее при встрече с поэтом о *ЧСК* как «скандальном учреждении», а задержанных бывших чиновников определил как людей «юридически невиновных»[2]. Очевидно, уже с самых первых дней работы в *ЧСК* Блок задавался вопросом о справедливости все-

1 Здесь и далее Записные книжки Блока мы цитируем по первоисточнику (ЗК$_{49}$ — ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 361, ЗК$_{50}$ — Там же. Ед. хр. 361; ЗК$_{52}$ — Там же. Ед. хр. 362; ЗК$_{56}$ — Там же. Ед. хр. 364) с указанием принятого в ПССиП условного сокращения и листа единицы хранения при цитате.

2 Ср.: «7 мая. <...> Очень интересно мнение сенатора А.Ф. К<ублицкого>-П<иоттух> (на вокзале) о Чрезв<ычайной> следств<енной> комиссии как скандальном учреждении: “повесят” — потом выражение смягчено — людей юридически невиновных. Предъявить обвин<ение> можно к Протопопову, Сухомлинову, пожалуй, Щегловитову, но чем виноват, напр<имер>, Сташинский? Просто // крайний правый, хотя и неприятный. Вырубова, конечно, “мерзавка”, но кому какое дело, что она жила с Распутиным?» (*ЗК*$_{49}$. Л. 11 об. – 12).

го происходящего. Здесь же поэт передал краткий диалог между Муравьевым и Протопоповым и вновь акцентировал внимание на психологических деталях, на взгляде бывшего министра. Эмоциональное состояние, черты характера и особенности внешности Протопопова Блок постоянно фиксировал в записных книжках.

10 июня после очередного обхода осужденных в записной книжке и дневнике были сделаны примечательные записи, в которых отмечено в Протопопове «панченкинское» ($ЗК_{52}$. Л. 35) (в дневнике: «В Протопопове, оказывается, есть панченковское» [14, с. 260]). На следующий день в письме к матери Блок писал: «Протопопов дал мне свои записи. Когда-нибудь я тебе скажу, кого мне страшно напоминает этот талантливый и ничтожный человек» [17, с. 375–376]. В этих записях речь идет о близком в начале 1900-х гг. к семье Бекетовых человеке — композиторе, музыкальном критике, а также «открытом гомосексуалисте и человеке крайних политических взглядов» [9, с. 302–303] Семене Викторовиче Панченко (1867–1937)[3]. Тетка поэта, Мария Андреевна Бекетова, в своих воспоминаниях писала о нем: «Его своеобразный и насмешливый ум и меткие афоризмы всех нас увлекали. <…> Это был ненасытный искатель, человек с большой волей, бессребреник-скиталец»[4]. В записях Блока нет конкретного пояснения, что же он подразумевал под соотнесением Протопопова и Панченко. Однако, очевидно, речь идет об особых манерах, ажитации, повышенной эмоциональности, зафиксированных Блоком неоднократно в ходе наблюдения за бывшим министром. Сравнение со знакомым и некогда даже близким к семье человеком отчасти проясняет интерес Блока к Протопопову — бывший министр оказывается носителем определенных отличительных черт, в отличие, например, от Б. Штюрмера, в котором поэт видел лишь старого «скучного» чиновника.

По мере работы в *ЧСК*, работы над редактированием протоколов портрет Протопопова в личных записных книжках и дневниках Блока дополнялся новыми подробностями. Обращают на себя внимание записи

3 О нем см. также: [4, с. 250–252; 6, с. 208–274]; см. также вступительную заметку А.Е. Парниса к публикации надписей Блока на книгах, подаренных Панченко [15, с. 112–114].

4 Ср. также другую реплику о Панченко в воспоминаниях Марии Андреевны: «…бывал часто неприятен, резок, не уважителен к чужим мнениям» [11, с. 313], — а также мнение А. Белого: «Панченко мне показался фальшивым; сквозь напускной легкомысленный скепсис французского остроумия он пытался пустить пыль в глаза, озадачить особенным пониманием жизни» [10, с. 163].

о психологическом состоянии бывшего министра, которое с момента ареста явно начало ухудшаться. Так, 17 июня Блок отметил общую нервозность осужденных, также зафиксировал слова поручика Чхонии: «Протопопов дурака валяет, в меня чайником пустил; по-моему, с ума сошел» (*ЗК*$_{52}$. Л. 45 об.). В этот же день записал наблюдения Муравьева: «С Протопоповым в камере делается что-то неладное, — говорит председатель (я не ходил). Он называет себя мерзавцем» (*ЗК*$_{52}$. Л. 50).

Удостовериться в сложном эмоциональном состоянии Протопопова Блок смог 17 июня на пятом допросе бывшего министра, состоявшемся (по-видимому, по просьбе врача И.И. Манухина), не столько из-за следственной необходимости, сколько с целью «успокоить и развлечь», «отвлечь от других голосов». Показательно, что в записной книжке не отражен ход допроса, а лишь зафиксирован портрет Протопопова: «Бледный, исхудал очень, глаза мутные, “шантировал”. Все — с массой жестов, с мимикой, паузами. <...> “Другие голоса”» (*ЗК*$_{52}$. Л. 50).

Очевидно, под впечатлением пятого допроса Блок дал пространный портрет-характеристику Протопопова. Эта важная запись сохранилась среди конспектов по материалам протоколов, датированных 18 июня. Впоследствии в переработанном виде она вошла в заключительные абзацы первой главы очерка «Последние дни императорской власти» (ср. ее с финалом очерка в таблице в конце статьи).

Еще одним свидетельством неподдельного интереса к личности Протопопова является запись от 21 июня 1917 г. в записной книжке *ЗК*$_{52}$, относящаяся к пятому допросу Белецкого. Блок лично присутствовал при дознании бывшего директора Департамента полиции, значительная часть беседы была посвящена личности Протопопова. Белецкого спрашивали о моменте знакомства с Протопоповым, о борьбе за пост министра с Треповым, о взаимоотношениях Протопопова с Маклаковым и пр. Допрашиваемый представил подробный очерк личности Протопопова с замечаниями о Штюрмере, Манасевиче-Мануйлове, Татищеве, Щегловитове, Ширинском-Шихматове и др. [16, т. 5, с. 251–266]. Блок подробно законспектировал сказанное Белецким, подытожив: «Сегодняшнее показание Белецкого — самое интересное и блестящее» (*ЗК*$_{52}$. Л. 55 об.).

В тот же день, 21 июня, по настоянию врача Манухина, следившего за состоянием здоровья узников Трубецкого бастиона, Протопопов вновь

был допрошен. Этот допрос Блок конспектировал подробнее (в отличие от пятого допроса). Как отмечено в записной книжке, Протопопову «представилось, что всех амнистировали, а его одного держат. <…> Ман<ухин> опасается, как бы он не спятил» (*ЗК*$_{52}$. Л. 51 об.). Наряду с записями, непосредственно касающимися дознания, в записях Блока отмечены внешность, мимика, особенности говора: «Вдруг — ленивое лицо, гладит бороду, как будто когда-то выкрашенную. <…> Протоп<опов> не может без частых вопросов, начинает мямлить. <…> П<ротопопо>в двигает ушами и кожей лица. Кокетничает глазами. <…> На вопрос о законности смотрит [совершенно] хитро, пробегает лукавство в глазах» (*ЗК*$_{52}$. Л. 56–58).

Все эти записи в дневнике, записных книжках и письмах к матери говорят об особом интересе Блока к личности Протопопова. Их характер свидетельствует о сосредоточенности на психологическом портрете бывшего министра, что, конечно же, не отменяло интереса Блока к политическим действиям Протопопова на высоком посту, а дополняло общую картину. К моменту поступления Блока на службу в *ЧСК* Протопопов был допрошен уже четыре раза[5] — все дознания состоялись в марте и апреле. Блок присутствовал лишь на последних двух не самых содержательных допросах. Отметим, однако, что в архиве Блока сохранились копии всех шести стенографических отчетов Протопопова. Более того, Блок собственноручно сделал конспекты всех допросов. В архиве поэта отложились также копии записок Протопопова, написанные им в Петропавловской крепости по просьбе председателя *ЧСК* — Муравьева. Показательно, что в докладной записке в *ЧСК* по поводу издания стенографических отчетов Блок, предлагая включить все шесть допросов Протопопова в планировавшееся издание, дал следующее заключение этим документам: «Протопопов — все шесть допросов. В этом лице, хотя бы и не его волею, как в фокусе, сосредоточились все симптомы разложения, он — как символ крушения самодержавия, поэтому ему следует уделить исключительное внимание» [12, с. 290].

Сбор этих обширных материалов связан со служебным заданием, которое, очевидно, совпало и с личными интересами Блока. В июне-июле 1917 г. члены *ЧСК* приступили к обсуждению и подготовке отчета Учреди-

5 1-й допрос состоялся 21 марта 1917 г. (стенографический отчет см.: [16, т. 1, с. 111–181); 2-й — 8 апреля [16, т. 2, с. 1–8]; 3-й — 14 апреля [16, т. 2, с. 146–157]; 4-й — 21 апреля [16, т. 2, с. 273–319].

тельному собранию, который планировалось составить по материалам работы Комиссии. Из письма Блока к матери от 24 июля 1917 г. следует, что тему для работы он выбрал сам: «Муравьев и Ольденбург, наговорив мне комплиментов, склонили меня писать в отчете для Учр. Собр. и я выбрал для пробы главу о Протопопове…» [17, с. 617][6].

В архиве Блока сохранились документы, свидетельствующие о сборе материалов для намеченной главы. Сохранились тезисы к главе отчета. Кроме уже отмеченных выше рукописных конспектов шести протоколов и выписок из записок Протопопова, с которых, согласно дневниковой записи от 31 июля 1917 г., и началась работа над главой (ср.: «Примостившись в столовой, довольно долго делал выписки из протопоповских записок. Все-таки начало положено» [14, с. 293]).

В архиве Блока в Пушкинском Доме в отдельной папке сохранились также газетные вырезки («Новое время», «Раннее утро», «Речь», «Московский листок», «Русские ведомости»), касающиеся свидания Протопопова с германским банкиром Максом Варбургом в Стокгольме.

Отметим также сохранившиеся телеграммы и письма, имеющие непосредственное отношение к Протопопову, отложившиеся в виде машинописных и рукописных копий.

Среди этой группы документов выделяется записка, переписанная собственноручно Блоком. Приведем ее полностью:

> Оборванный лист с частью текста какого-то предсказания о неизвестном лице (Ch. Perrin о Протопопове).
>
> Оригинальный крупный тип. Странный, доходящий до ненормальности мыслей. Одни поступки иногда не соотв<етствуют> другим. Красивые глаза. Болезненность. Красив духовно в то время, как дух в подъеме и действует по внутреннему убеждению, и не красив, когда действует под чужим влиянием. Может сделать крупное, очень крупное… и огромные ошибки. В важные моменты огромная духовная сила воли, может созидать и на разрушенном создать.

6 Ср. в дневнике: «Днем началось наше заседание об отчете (мой протокол). Ольденбург и председатель сказали мне несколько любезностей, и я принужден согласиться попробовать писать очерк о Протопопове. <…> Но матерьял интересен, и я испытаю силы над Протопоповым» [14, с. 285–286].

> Жизнь выбросила его с головокружительной быстротой нырка. Он или шею сломает или вознесется и вознесется <так!>. Дай Бог ему здоровья. Сердце не в порядке. Есть болезнь. Есть чувственность большая, темперамент. Висит словно на вулкане. Подвергнут ежедневно опасности, его нужно укрепить. Ему не нужно бояться перепрыгнуть через собств<енную> тень. Религиозен. Последние 1-2 дня жизнь изменилась с головокруж<ительной> быстротой. Последние две недели — огромная растрата энергии.
>
> Он выкрутится. Он много страдает. Есть доля хитрости. Он выкрутится. На него имели доминирующее значение 1904 или 1905, 1909 или 1910 г. и важный 1916 г.
>
> Его состояние тяжелое, угнетенное. Он горит, сидит на вулкане. Хороший человек, но бессознательно создает себе врагов. Его жизнь семейная с разными переворотами. Из затруднений выйдет в конце концов победитель. Провидение помогает.
>
> Будущность. Должен быть собою. Есть слабости. Образован, интеллектуальный ум.
>
> Он идет, он шатается, но выйдет победителем. Есть личность, которая его сильно поддерживает. Это крупный человек. Очень много данных. Он должен выработать себе программу, идти по ней неукоснительно. Есть будущее светлое. Нервность женственной натуры. Увлекающийся, экспансивный. Поддержите его, если знаете и любите его. Насколько он умен, настолько он ребенок[7].

Изначально Блок приписал авторство этого документа гадателю Ш. Пиррену, связь, личные пересечения с которым поднимались на допросах Протопопова. Однако в конце документа сделана (очевидно, позже) приписка: «Или — Моргенстиерн для сестры Воскобойниковой по поручению Ал. Федоровны?»[8] Вторая атрибуция более точная — речь идет об Илье Федоровиче Моргенстиерне (Моргенштерне), графологе, психотерапевте, основателе и председателе психографологического общества, а также основателе журнала «Психографология». Обстоятельства происхождения этой записки прояснены в письменных показаниях С.П. Белецкого от 20 июля 1917 г. Ср.: «Воскобойниковой было поручено императрицею снести одно

7 РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 31. Л. 19–19 об.
8 Там же. Л. 19 об.

из собственноручно написанных Протопоповым писем к известному графологу И.Я. Моргенштерну для определения отличительных черт характера и душевных и волевых особенностей Протопопова...» [16, т. 4, с. 483].

Важно отметить, что сохранившиеся в архиве Блока документы позволяют лишь частично судить о корпусе документов, имевшихся в распоряжении поэта, — в действительности объем материалов, с которым он был знаком, был существенно больше, о чем свидетельствуют делопроизводственные справки и личные записи.

Например, отметим справку, согласно которой Блоку для ознакомления с материалами из «безопасного ящика О.П. Протопоповой», супруги министра, направили следующие личные документы: «1) записную книжку в черном переплете, 2) копию письма Протопопова к Родзянке от 2 янв. 1917 г., 3) письмо в конверте на имя А.Д. Протопопова, начинающееся словами: “Дорогой дядя Саша”, 4) справку “Клевета Пуришкевича”, 5) написанную карандашом на клочке бумаги заметку о Швеции, Норвегии и т. д.»[9].

Запрос следственных дел, дополнительных сведений — обыденная практика работы *ЧСК*. В черновом автографе «Последних дней императорской власти» на обороте л. 20 (на лицевой стороне — начало повествования о Протопопове) запись Блока:

> Не хватает:
> Дело Ювжика-Компанейца (пулеметы).
> Еще телегр<амма> Хабалова.
> “Представление” кн. Голицына 13 II 1917.
> Записи Протопопова о посл<едних> днях[10].

Названные документы, касающиеся Протопопова, впоследствии оказались в распоряжении Блока, что следует из содержания третьей главы очерка «Последние дни императорской власти», где часть из них процитирована. В частности, в записи упомянут следователь В.О. Ювжик-Компанейц, который был прикомандирован в *ЧСК*, числился в 10-й Следственной

9 РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 27. Л. 5. Запись на документе: «Предъявить А.А. Блоку, просьба возвратить по миновании надобности. 20/IX».

10 *Блок А.* Последние дни старого режима — Черновой автограф, чернилами // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 26 об.

части, производившей «предварительное следствие по делу об организованной стрельбе полиции из пулеметов в феврале 1917 г. в Петрограде». В ходе расследования планировалось установить, кто отдал приказ о расстреле митингующих в февральские дни. В рамках этого дела был допрошен градоначальник Петрограда А.П. Балк (в деле сохранился протокол его допроса, который Блок цитирует в третьей главе очерка «Последние дни императорской власти»).

Отметим, что вопрос о форме, содержании и принципах отчета *ЧСК* для Учредительного собрания активно обсуждался на заседаниях в июле-августе 1917 г. Решение о том, что в отчет должны войти характеристики (портреты) ведущих политических деятелей, было принято членами *ЧСК* практически единогласно. Однако содержание этого планируемого раздела вызывало постоянные дискуссии. Так, например, Н.К. Муравьев на заседании, посвященном «обсуждению основных принципов, по коим должен быть составлен доклад *ЧСК* Учредительному собранию», 4 июля отметил, что в доклад следует включить «характеристики наиболее выдающихся деятелей старого порядка, выдающиеся не в смысле их индивидуальности, а в смысле их деятельности»[11], т. е. акцент при составлении характеристик нужно сделать на политических действиях бывших министров. Позиция Блока, очевидно, была схожей. Об этом свидетельствует дневниковая запись, сделанная после заседания редакционной комиссии 25 июля 1917 г., где поэт представил свой взгляд на содержание главы о Протопопове: «Протопопов (даже) — личность страшно интересная с точки зрения психологической, исторической и т. д., но вовсе не интересная *политически*. Так сказать, не он был, а “его было”, как любого из них. Если мы лишний раз упомянем это маленькое имя, которое связано со стольkими захватывающими *не* политическими фактами, то окажем плохую услугу — и народу, который будет продолжать думать о его значительности, и комиссии, и самому Протопопову» [14, с. 288]. Очевидно, что свою позицию Блок несколько пересмотрел, и в очерке «Последние дни императорской власти» личность Протопопова представлена шире: здесь перечислены как его политические шаги, так и психологические особенности личности.

11 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 68.

1 августа Блок сообщал в письме к матери: «...по-видимому, кроме Протопопова я возьму себе тему "Последние дни старого режима"» [17, с. 619]. В исследованиях, посвященных истории очерка «Последние дни императорской власти», как правило, отмечено, что после нового служебного поручения Блок сосредоточился на подготовке главы «Последние дни старого режима» (которая и была завершена). Судьба же главы о Протопопове до последнего времени оставалась непроясненной. Однако и архивные документы, и справки, и пометы в *ЧА* очерка «Последних дней императорской власти» свидетельствуют о продолжающейся параллельной работе над двумя этими темами. Очевидно, все, что Блок планировал написать о Протопопове, вошло в очерк, главным образом в финал первой главы, где представлена общая характеристика личности Протопопова и его деятельности на посту министра. Часть материалов также вошла в третью главу, в которой отражены действия Протопопова в дни Февральской революции. Фактически планировавшаяся глава была написана, но не была выделена в отдельную самостоятельную часть большой работы. При этом важно отметить, что параграф о последнем министре обозначен в содержании первой главы «Состояние власти»: «Болезнь государственного тела России. — Царь, императрица, Вырубова, Распутин. — Великие князья. — Двор. — Кружки: Бадмаев, Андронников и Манасевич-Мануйлов. — Правые. — Правительство; Совет Министров; Штюрмер, Трепов и Голицын. — Отношение правительства к Думе. — Гр. Игнатьев и Покровский. — Беляев. — Н. Маклаков и Белецкий. — *Протопопов*» (курсив мой. — *А.А.*) [13, с. 188].

Высказанному нами предположению есть документальное подтверждение. В черновом автографе очерка Блока на обороте л. 26 (на лицевой стороне — начало второй главы) сохранился план, по которому предполагалось выстроить характеристику-портрет Протопопова (см. Приложение).

Обращает на себя внимание схожесть документа с сохранившимися тезисами к главе отчета, посвященной Протопопову (ср.: [12, с. 288–289]). Более того, в сохранившемся плане позиции, по которым предполагалось выстроить характеристику министра, проработаны детальнее. Отмеченные плюсами и галочками пункты — это то, что Блок включил в очерк. Однако не отмеченные галочками тезисы также в полной мере освещены в «Последних днях императорской власти». В этом же документе в ряде пунктов карандашом вписаны имена следователей: Г.П. Гирчич, С.Г. Соло-

вьев, В.О. Ювжик-Компанеец, В.В. Лихопой. Эти указания отсылают нас к следственным делам, к которым, очевидно, Блок обращался при написании раздела о Протопопове.

Подтверждением этой гипотезы служит ход повествования первой главы. Сопоставление сохранившегося плана с содержанием «Последних дней императорской власти» позволило установить, что большинство пунктов, перечисленных в этом наброске, нашли отражение в первой части очерка. В ней даны краткие характеристики-портреты представителей старого режима. Обращает на себя внимание, что портретам царя, царицы, высших чиновников и председателя кабинета министров Блок уделяет в первой главе по одному или несколько предложений каждому. Характеристике же Протопопова отведено несколько страниц, что несоразмерно.

Бывшему министру посвящены финальные страницы первой главы «Состояние власти», где приведен его развернутый портрет. Как отметил Блок, «последнему министру внутренних дел <…> суждено было занять исключительное место в правительственной среде», а «роль его настолько велика, что на его характеристике следует остановиться подробней» [13, с. 197]. В очерке кратко указаны основные биографические факты, связанные с именем Протопопова, в том числе скандальные события: встреча с М. Варбургом в Стокгольме, знакомство с гадателем Шарлем Перэном, издание газеты «Русская воля». Здесь же акцентировано внимание на негативном отношении к министру общественных и правительственных кругов, членов Государственной думы [8].

Подобно мозаичному панно, личность Протопопова воссоздана Блоком по отдельным упоминаниям черт характера или психологических особенностей в многочисленных допросах разных лиц. Бывшие коллеги министра не стеснялись в красноречии. В очерке Протопопов назван «балоболкой» (со слов Д.Н. Дубенского, протокол допроса от 9 августа 1917 г. [16, т. 6, с. 385]); человеком «с присущими ему легкомыслием и “манией величия”» (реплика Н.Н. Покровского, протокол допроса от 30 июня 1917 г. [16, т. 5, с. 358]), у которого «честь тянется, как подвязка» (реплика Распутина со слов И.Ф. Манасевича-Мануйлова, см. протокол его допроса от 10 апреля 1917 г. [16, т. 2, с. 67]) и пр.

Блок использует также автохарактеристики бывшего министра. Так, Протопопов вспоминал в ходе допроса от 21 марта 1917 г. о том, что «дур-

ная мысль, несчастная мысль насчет министра» закралась ему после заграничной поездки в 1916 г., а после его «честолюбие <…> бегало и прыгало» (из допроса Протопопова от 21 марта 1917 г. [16, т. 1, с. 133, 140]). Ср. в «Последних днях императорской власти»: «Тогда же в голову его вступила “дурная и несчастная мысль насчет министерства”, ибо “честолюбие его бегало и прыгало”; первоначально он думал лишь о министерстве торговли» [13, с. 197].

В целом развернутая характеристика Протопопова базируется исключительно на документальной основе: на ряде высказываний бывших коллег по кабинету министров, а также его собственных высказываниях. Здесь Блок верен своему методу, в полной мере нашедшему отражение в портретах бывших представителей власти, выведенных в первой главе очерка (см.: [7, с. 113–129; 1, с. 324–343]).

В конце первой главы Блок приводит пространное рассуждение о роли личности Протопопова в деле «ускорения разрушения царской власти». В этом заключительном пассаже наиболее выражено авторское начало. Отрывок по сути является вариантом наброска о Протопопове от 18 июня 1917 г.[12], сохранившегося среди выписок по материалам шести допросов бывшего министра. В период работы над заключением первой главы очерка Блок вернулся к этому наброску, о чем свидетельствуют подчеркивания в автографе красным карандашом. Выделенные фразы и предложения включены Блоком в очерк в несколько переработанном виде.

«Последние дни императорской власти»	**<Запись о Протопопове, сделанная 18 июня 1917 г.> РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 16. Л. 3–4**
…на Протопопова временами «накатывало», что сближало его с духом Царского Села… [13, с. 199] …Протопопов оказался, действительно, «роковым человеком»… [13, с. 200]	*Протопопов* — фигурка оригинальная, стоящая совершенно одиноко среди остальных представителей власти. Все они инстинктивно (скорее — по традиции бюрократической) знали, что власть требует самоотречения, и каждый из них более или менее грубо и неумело

12 Карандашом справа от автографа дата «18. VI». Вероятно, вписана позже.

Личность и деятельность Протопопова сыграли решающую роль в деле ускорения разрушения царской власти. Распутин накануне своей гибели, как бы, завещал свое дело Протопопову, и Протопопов исполнил завещание. В противоположность обыкновенным бюрократам, которым многолетний чиновничий опыт помогал сохранять видимость государственного смысла, Протопопов принес к самому подножию трона весь истерический клубок своих личных чувств и мыслей; как мяч, запущенный расчетливой рукой, беспорядочно отскакивающий от стен, он внес развал в кучу порядочно расставленных, по видимости устойчивых, а на деле шатких кегель государственной игры [13, с. 199–200].

все-таки *носил маску «объективности»*, ходил в броне долголетнего трудового, или — просто чиновничьего, опыта; эта броня многим из окружающих казалась прочной. Протопопов был среди них *parvenu**, он даже не пытался забронироваться и скрыть свою личность. *Он принес к самому подножию трона всего себя*, всю свою юркость, *весь истерический клубок своих мыслей и чувств.* Недаром есть намеки на то, что он готовился заменить Распутина. На него тоже «*накатывало*». Этот зоркий в мелочах, близорукий в общем, талантливый, но неустроенный *вольнолюбивый раб* был действительно «роковым» человеком в том смысле, что судьба бросила его в последнюю минуту, как мячик, под ноги истуканам самодержавия и бюрократии. И этот беспорядочно отскакивающий мячик, ошеломив всех, обнаружил комическую кукольность окружающего, способствовал падению власти, очень ускорил его. Распутин швырнул Протопопова, как мяч, под ноги растерянным истуканам.

Таким образом, всесторонний анализ документов *ЧСК*, сохранившихся в архиве Блока, позволил установить параллельную работу Блока над главами к отчету Учредительному собранию: «Последние дни царского режима» и «Протопопов». Первая из них разрослась в развернутый очерк «Последние дни императорской власти»; глава о последнем министре внутренних дел стала параграфом первой части этой работы. Последняя запись Блока о Протопопове в записных книжках касается уже дальнейшей трагической судьбы бывшего министра. Вплоть до Октябрьской революции Протопопов находился под арестом, а после прихода к власти большевиков уже не был выпущен на свободу. В официальной заметке «Расстрел царских

* выскочка (фр.)

министров», опубликованной в газете «Известия ЦИК», сообщалось, что по постановлению Российской чрезвычайной комиссии были расстреляны «А.Н. Хвостов, А.Д. Протопопов, И.Г. Щегловитов и Н.А. Маклаков. Бывший начальник департамента полиции С.П. Белецкий»[13]. По-видимому, откликом на эту заметку является запись от 9 сентября 1918 г. в записной книжке Блока: «Расстреляны Маклаков и Протопопов».

Приложение[14]

А.Д. Протопопов

1916.	Общая характ<еристика> ([Наумов], Манасевич, Покровский, Белецкий, Голиц<ын>, Гучков, Комисс<аров>, Андронников, Челноков и все понемногу).
	Тов<арищ> предс<едателя> Гос<ударственной> Думы **(как**
письмо Сазонова	**прошел Дмитр<юков> и Стемп<ковский>).** Парлам<ентская> делегация. Стокгольмское свидание с Варбургом **(Гирчич).** Возвращение, разговоры, Милюков. Знакомство с Выруб<овой>, Расп<утин>, Бадм<аев>. Отн<ошение> к царской семье. Калинин. Назначение (указ 16. IX). Проекты реформ, продовольствие, евреи, *полиция*, ответств<енное> минист<ер-
+	ство>, жалов<ание> духовенству, земство, отнош<ение> к назнач<ению> думских кругов, правых и др. Выступл<ение> в Г. Думе.
	П<ротопопо>в и «Рус<ская> воля».
	П<ротопопо>в и общ<ество> 1914 года. V
	<1 нрзб.> Поездка в Ставку и в Ц<арское> С<ело>, болезни, Воскобойникова, газетн<ые> опровержения, гр<афиня> Игнатьев<а>.
+	Назнач<ение> *Курлова* (думск<ий> запрос), Красиль<ников>, Куколь-Яснопольский, **Степанов**. Балк, (отставка Оболенско-
+	го). Слухи о Белецком. Обмен мнений с членами прогресс<ивного> блока Дмитрюков, Стемпковский. Совещание у Родзянко
+	19 октября.
	Московские городские выборы (Котлецов). Посещение Москвы.

13 [Б. п.]. Расстрел царских министров // Известия ЦИК. 1918. 8 сент. № 194. С. 4.

14 *Блок А.* Последние дни старого режима — Черновой автограф, чернилами // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 26 об. Полужирным шрифтом обозначены записи карандашом.

Соловьев	**Челнок<ов> кот<орый> свидет<ель>.**
+	Надзор за земск<им> и Гор<одским> союзом, Военно-пром<ышленным> комит<етом>.
	Цензура (думских отчетов). Отнош<ение> к печати.
ген. Попов —	Запрещение Съезда городов в Сибири, Земск<ого> Союза в Москве, Союза городов там же, Торгово-промышл<енного> съезда, Всеросс<ийского> продов<ольственного> съезда биржевых комитетов. Отнош<ение> к П<ротопопов>у министров и обратно.
1917.	Убийство Распутина — роль Протопопова, его упрочение.
	Исключение П<ротопопо>ва из партии 17 октября. Отставка Волконского, Бальца.
+	
	Отнош<ение> к Г<осударственной> Думе, выборы в 5-ую Г<осударственную> Думу — донесения губернаторов (Хвостов-Завадский).
+	
+	
	Желание реабилитировать Комиссарова.
V	Назнач<ение> Катенина.
	Арест рабочей группы. Абросимов, слухи о демонстрациях.
	Выделение петроградского военного округа **(связано с печатью — у Соловьева).**
	Беспо<койство> П<ротопопо>ва о земск<их> и двор<янских> собраниях.
Гирчич	Проект нового закона о печати (судебная ответственность) — **Со<ловьев>.** Поведение П<ротопопо>ва в последние дни. Пулеметы. Приказ по корпусу жандармов. **10 сл<едственная> часть Компанеец.**
	Теории, схемы.
	Перэн. Общ<ество> борьбы с дороговизной и г<оспо>жа Степанова-Дезобри. +
	Отнош<ения> с правыми (Марк<ов> II, Орлов, Балашов) — **репт<ильный> фонд (Лихопой)**
	Отнош<ение> к освобожд<ению> Сухомлинова
	Показ<ания> Воскобойников<ой> — **в Темные силы**
	Головина, Ломан

Список литературы

Исследования

1 *Александров А.С.* О документальной основе очерка А. Блока «Последние дни императорской власти» // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 4. С. 324–343. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-324-343

2 *Гончарова Е.И.* Летописец последних дней императорской власти: (Александр Блок и Чрезвычайная следственная комиссия) // Русская литература. 2025. № 1. (В печати.)

3 *Иванова Е.В.* Александр Блок: Последние годы жизни. СПб.; М.: Росток, 2012. 608 с.

4 *Максимов Д.Е.* Александр Блок и революция 1905 года // Революция 1905 года и русская литература. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 250–252.

5 *Перегудова З.И.* Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // *Блок А.А.* Последние дни императорской власти / сост. З.И. Перегудова, С.С. Лесневский; коммент. З.И. Перегудовой, О.А. Поливанова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. С. 298–365.

6 Письма С.В. Панченко к Блоку / предисл. и коммент. А.В. Лавров, З.Г. Минц // Блоковский сб. Тарту: [б. и.], 1998. XIV: К 70-летию З.Г. Минц. С. 208–274.

7 *Спивак М.* К вопросу об источниках характеристик в «Последних днях императорской власти» А.А. Блока: «Царь, императрица, Вырубова, Распутин» и «недружный... Совет министров» // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 113–129.

8 *Спивак М.Л.* Последний царский министр внутренних дел А.Д. Протопопов в политической публицистике А.А. Блока и его современников // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 8 (17). С. 102–118.

9 *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература и революция. 2-е изд., сокр. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 642 с.

Источники

10 *Белый А.* Собр. соч. Воспоминания о Блоке [Т. 4] / под ред. В.М. Пискунова. М.: Республика, 1995. 510 с.

11 *Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке / [сост. В.П. Енишерлова, С.С. Лесневского; вступ. ст. С.С. Лесневского; послесл. А.В. Лаврова; примеч. Н.А. Богомолова]. М.: Правда, 1990. 669 с.

12 *Блок А.А.* Последние дни императорской власти / сост. З.И. Перегудова, С.С. Лесневский; коммент. З.И. Перегудовой, О.А. Поливанова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. 624 с.

13 *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 6: Проза. 1918–1921 / подгот. текста Д.Е. Максимова, Г.А. Шабельской; примеч. Г.А. Шабельской. 556 с.

14 *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 7: Автобиография. 1915; Дневники. 1901–1921 / подгот. текста и примеч. В.Н. Орлова. 544 с.

15 Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях / вступ. ст. и публ. В.Я. Мордерер и А.Е. Парниса // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 5–142.

16 Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П.Е. Щеголева: в 7 т. Л.: Гос. изд-во, 1924–1927.

17 Письма Александра Блока к родным / с предисл. и примеч. М.А. Бекетовой: в 2 т. Л.: Academia, 1932. Т. 2. 542, [3] с.

References

1 Aleksandrov, A.S. “O dokumental’noi osnove ocherka A. Bloka ‘Poslednie dni imperatorskoi vlasti’.” [“On the Documental Basis of A. Blok’s Essay ‘Poslednie dni Imperatorskoi vlasti’ (‘The Last Days of Imperial Power’)”]. *Studia Litterarum,* vol. 8, no. 4, 2023, pp. 324–343. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-324-343 (In Russ.)

2 Goncharova, E.I. “Letopisets poslednikh dnei imperatorskoi vlasti: (Aleksandr Blok i Chrezvychainaia sledstvennaia komissiia)” [“Chronicler of the Last Days of Imperial Power: (Alexander Blok and the Extraordinary Commission of Inquiry)”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2025. (In print.) (In Russ.)

3 Ivanova, E.V. *Aleksandr Blok: Poslednie gody zhizni* [*Alexander Blok: The Last Years of His Life*]. St. Petersburg, Moscow, Rostok Publ., 2012. 608 p. (In Russ.)

4 Maksimov, D.E. “Aleksandr Blok i revoliutsiia 1905 goda” [“Alexander Blok and the Revolution of 1905”]. *Revoliutsiia 1905 goda i russkaia literatura* [*Revolution of 1905 and Russian Literature*]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1956, pp. 250–252. (In Russ.)

5 Peregudova, Z.I. “Chrezvychainaia sledstvennaia komissiia dlia rassledovaniia protivozakonnykh po dolzhnosti deistvii byvshikh ministrov i prochikh vysshikh dolzhnostnykh lits i Aleksandr Blok” [“The Emergency Investigation Commission for the Illegal Actions of Former Ministers and Other Senior Officials and Alexander Blok”]. Blok, A.A. *Poslednie dni imperatorskoi vlasti* [*The Last Days of Imperial Power*], comp. Z.I. Peregudova, S.S. Lesnevskii, comm. Z.I. Peregudovoi, O.A. Polivanova. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2012, pp. 298–365. (In Russ.)

6 “Pis’ma S.V. Panchenko k Bloku” [“Letters from S.V. Panchenko to Blok”], foreword and comm. by A.V. Lavrov, Z.G. Mints. *Blokovskii sbornik* [*Blok Collection*], vol. 14:

K 70-letiiu Z.G. Mints [To the 70th Anniversary of Z.G. Mints]. Tartu, [s. n.], 1998, pp. 208–274. (In Russ.)

7 Spivak, M. “K voprosu ob istochnikakh kharakteristik v ‘Poslednikh dniakh imperatorskoi vlasti’ A.A. Bloka: ‘Tsar’, imperatritsa, Vyrubova, Rasputin’ i ‘nedruzhnyi... Sovet ministrov’.” [“On the Question of the Sources of Characteristics in ‘The Last Days of Imperial Power’ by A.A. Blok: ‘Tsar, Empress, Vyrubova, Rasputin’ and ‘Unfriendly ... Council of Ministers’.”] Polonsky, V.V., editor. *Perelom 1917 goda: Revoliutsionnyi kontekst russkoi literatury. Issledovaniia i materialy* [*Fracture of 1917: The Revolutionary Context of Russian Literature. Research and materials*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 113–129. (In Russ.)

8 Spivak, M.L. “Poslednii tsarskii ministr vnutrennikh del A.D. Protopopov v politicheskoi publitsistike A.A. Bloka i ego sovremennikov” [“The Last Tsarist Minister of Internal Affairs A.D. Protopopov in the Political Journalism of A.A. Blok and His Contemporaries”]. *Vestnik RGGU. Seriia “Istoriia. Filologiia. Kul’turologiia. Vostokovedenie,”* no. 8 (17), 2016, pp. 102–118. (In Russ.)

9 Etkind, A. *Khlyst: Sekty, literatura i revoliutsiia* [*Khlyst: Sects, Literature and Revolution*]. 2nd ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 664 p. (In Russ.)